

РАЗДЕЛ IV
COSMOLOGY IN PERSONS
КОСМОЛОГИЯ В ЛИЦАХ

**РАЗУМ И ИНТУИЦИЯ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОДУКТ БИОСФЕРЫ
В КОНЦЕПЦИИ В. И. ВЕРНАДСКОГО**

Д. В. Солодухин – к. филос. н., доц.,
Московский государственный университет
тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова (МИТХТ)
(г. Москва, Россия)

E-mail: DV-S@yandex.ru

Предпринята попытка проследить взаимозависимость становления ноосферы и эволюционного развития самого человека как биологического вида. В этом смысле ноосфера предполагает не столько более развитый уровень техники, экологической ответственности, демократии и проч., но также качественный эволюционный скачок самого Homo sapiens: как развитие творческих способностей, так и нравственный рост. Причём, развитие интуитивных способностей личности, по-видимому, продолжается и в самой ноосфере. Подобная интерпретация основывается на персоналистическом подходе, позволяющем взглянуть на проблему сквозь призму личности В.И. Вернадского.

Ключевые слова: диалог когнитивных практик, эволюция, человек, ноосфера, персоналистический подход, внутренний опыт.

**REASON AND INTUITION AS PRODUCT OF THE NOOSPHERE'S
EVOLUTION IN V.I. VERNADSKY'S DOCTRINE**

DENIS SOLODUKHIN – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Moscow State University of Fine Chemical Technologies named after M.V. Lomonosov
(Moscow, Russia)

Problem of connection the noosphere' becoming and human being evolution examines here. In this sense origin of Noosphere determines not only technics, human ecological duties, democracy and so on but also new evolutionary leap of Homo sapiens. Man's evolution means human intuitive creativity development and morality. The intuitive abilities of person seems be continued within noosphere itself. Such interpretation based on the personalistic approach, i.e. considering V.I. Vernadsky's person and internal experience.

Key Words: the dialog of cognitive practices, evolution, human being, noosphere, personalistic approach, internal experience

По В.И. Вернадскому разум и интуиция, равно как и творческое научное познание вообще, возникают в результате эволюции биосферы. (Более того, мыслитель высказывает предположение, что в определённом смысле возникновение разума предполагается эволюцией живого вещества чуть ли не изначально!) Вместе с тем? дискурсивный разум, да и сам человек – *преходящи*. Вид *homo sapiens* не является вершиной эволюции, а ноосфера связана с определённой духовной и, вероятно, биологической *трансформацией* самого человека, который «не есть «венец творения»», а потому «*не может быть конечной, максимальной формой проявления жизни*». Более того, «в порядке десяти тысячелетий изменение мыслительного аппарата человека может оказаться вероятным и даже неизбежным» [Вернадский, 2010: с. 545] (здесь и далее курсив мой, жирный курсив – В.И. Вернадского. – Д. С.). Иными словами, на смену человеку может прийти своего рода «сверхчеловек», обладающий несравнимо большими познавательными способностями.

В целом речь идёт о расширении познавательных возможностей разума, в том числе преодолении «узких мест» рационалистической логики. Но не только. Само по себе освоение новых когнитивных ресурсов и актуализация нравственных моментов одновременно с «задействованием» религиозных аспектов внутреннего опыта личности уже предполагают своего рода антропологическое изменение. Как бы то ни было, признаётся, что человек есть существо *эволюционирующее* – он не статичен, а динамичен.

В понимании Вернадского человек есть проявление «живого вещества», и шире – *биосферы*. Последняя представляет собой оболочку Земли, связанную с *жизнью*, «планетное явление космического характера», пронизываемое космическими излучениями, особенно от Солнца. Биосфере свойственна органичность и внутренняя *организованность*. Жизнь – во всех её формах – воздействует на неживое «косное вещество» и меняет его. Значение человека настолько велико, что он способен целенаправленно изменять даже саму породившую его биосферу. Излишне говорить, что человеческая личность рассматривается в неразрывном единстве с природой, как её органическая часть.

В антропогенезе принципиальным является человеческий разум, познающий и преобразующий мир. Уже самим фактом своего возникновения разум возводит биосферу в *новое эволюционное состояние* – *ноосферу*. «Разум есть преходящее проявление высших форм жизни *Homo sapiens* в биосфере, превращающий её в ноосферу» [Вернадский, 2010: с. 545.]. Вне всякого сомнения, последняя коррелирует с прогрессом научного знания. («*Ноосфера* – биосфера, переработанная *научной мыслью*» [Вернадский, 2010: с. 472].) Причём, в «зрелых» состояниях это – прежде всего, творческий научный разум, не сводящийся к дискурсивно-логическим компонентам.

Все сущностные человеческие характеристики – в том числе, развитие когнитивных способностей – подвержены тем же самым законам эволюции, что и биосфера. В этом смысле разум, логика, наука и научное творчество, равно как и все иные формы духовного освоения реальности есть не только плод сугубо человеческой деятельности, но также объективный, не зависящий от человека, закономерный этап и неотъемлемая характеристика самой жизни, биосферы. Стремясь подчеркнуть органичность рождения научной мысли, её генетическую связь с биосферой, учёный связывает её с жизнью, действием: «*Наука есть создание жизни*» [Вернадский, 2010: с. 482].

Но не в меньшей степени ноосфера связана также с *личностью* и «энергией человеческой *культуры*», то есть не сводится к одной лишь рационально-

логической составляющей, как не сводятся к ней личность и культура. К тому же наука сама обусловлена не только интеллектуальной и вербальной деятельностью человека, но также биологическими моментами – его психофизической организацией (структурами мозга). В этом смысле переход на новую эволюционную ступень может быть связан со своего рода «преодолением» существующего ныне Homo sapiens с его разумом либо трансформацию самого разума. Думается, здесь дело идёт о новой антропологической ступени: в лице человека эволюционирует сама биосфера... Конечно, речь не столько о возникновении чего-то принципиально нового, сколько о дальнейшем развитии ноосферы, которое, среди прочего, оказывается связанным также с эволюционированием самого человека, его мозга.

Кто этот новый антропоморфный вид? Тот же человек, только более высокоразвитый и в целом сохраняющий свой облик, наподобие марсианской цивилизации Р. Брэдбери? Цивилизации, существующей миллионы лет и развивающей не столько технику, сколько «телепатические» способности? Вполне возможно. Если так, то эволюция должна идти по пути актуализации познавательных способностей и возможностей человека, в том числе за счёт развития рационально-иррационального обмена (диалога рационального и иррационального)?

Однако расширение внутренних потенций разума, как таковое, является необходимым, но само по себе недостаточным условием развития высших форм жизни в биосфере. В отличие от ницшеанского Übermensch'a, находящегося как бы «по ту сторону» добра и зла, ноосфера Вернадского обязательно предполагает не только научно-творческий, но не в меньшей мере *нравственный* компонент. Ср.: «"Добро" и "зло" есть также создание ноосферы, как и всё другое». «В ноосфере решающим и определяющим фактором является *духовная жизнь человеческой личности*» [Вернадский, 2010: с. 532, 632]. Таким образом, изменение психофизической организации человека (прежде всего, мозга) должно сопровождаться его ментально-нравственным совершенствованием.

У нашего соотечественника присутствует ещё один немаловажный аспект проблемы. Сама научная рациональность («логичность» мышления) увязывается Вернадским с существованием человеческой личности. Она есть не только когнитивная характеристика, но также фундаментальный *антропогенный фактор*. «Научная мысль, – пишет Вернадский, – есть и индивидуальное, и социальное явление. Она неотделима от человека. Личность не может при самой глубокой абстракции *выйти из поля своего существования*. Наука есть реальное явление <...>. Личность уничтожится – «растворится» – когда она выйдет из логического охвата своего разума» [Вернадский, 2010: с. 598]. В этих словах наглядно проступает двуединый характер классической рациональности. С одной стороны, она во многом обуславливает существование личности и общества, но с другой – личность превосходит свою рационально-логическую составляющую. Вот почему значение дискурса не стоит переоценивать. И далее: «Мы видим и знаем – но знаем бытовым, а не научным образом, что *научная творческая мысль выходит за пределы логики* (включая в логику и диалектику в разных её пониманиях). Личность опирается в своих научных достижениях на явления, *логикой* (как бы расширено мы её ни понимали) *не охватываемые*» [Вернадский, 2010: с. 598–599]. Вернадский здесь словно намекает на доступный человеку иной тип знания – практически-непосредственное, интуитивно-обыденное, «бытовое», которое по своим характери-

кам и направленности несколько отличается от знания научного, но в известном смысле в чём-то не менее авторитетно, чем наука. Излишне говорить, что разум он понимает не только как аппарат мышления, но включает сюда также «все духовные проявления личности человека» [Вернадский, 2010: с. 632], а религию и искусство рассматривает как проникающие в самые глубины человеческой личности, которые науке недоступны.

В этом смысле *рациональное сознание* человека, как и вся ноосфера, есть функция биосферы. Но точно таким же продуктом её эволюции является *нравственность*. По-видимому, согласно учёному, таким же порождением эволюции являются *религия* и *искусство*: среди прочего они имеют и когнитивное измерение и незаменимы в постижении жизни.

Но только ли гносеологические аспекты имеются в виду? Думается, учёному, знакомому с работами Бергсона, Лосского и Франка, были не чужды их мысли об онтогносеологии, то есть о взаимосвязи мышления и бытия. Говоря о появлении *Homo sapiens* как новом этапе эволюции биосферы, о научной мысли как объективном («геологическом») явлении и обуславливая ею возникновение ноосферы, Вернадский связывает воедино познание и бытие. В этом смысле ноосфера представляет собой новый этап в развитии живого вещества природы, то есть имеет онтологический характер. Иными словами, у Вернадского когнитивные аспекты оказываются связанными с эволюционными.

По-видимому, такое прочтение концепции Вернадского в её эволюционных когнитивных аспектах для нас подтверждается как влиянием Бергсона, так и личностью самого русского учёного, по опыту знакомого с иными, внелогическими способами восприятия.

Очевидно, в отношении Бергсона речь может идти о чём-то большем, чем спонтанная близость концепций. Так Г.П. Аксёнов пишет о *влиянии* Бергсона, и что Вернадский *читал* его (особенно в осмыслении проблемы времени) [Аксёнов, 2010: с. 394, 328, 383]. О влиянии говорит также авторитетный исследователь творчества французского мыслителя И.И. Блауберг. По её словам, и Вернадский, и Бергсон с его последователями Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденем развивали традицию органического понимания мира, восходящую к античному представлению о человеке как микрокосме. Говоря о бергсоновом влиянии на Вернадского, она ссылается также на публикации С.Г. Семёновой и К.В. Симакова [см.: Блауберг, 2003: с. 354–355, 360; Аксёнов, 2010; Семёнова, 1988; Симаков, 2003].

Согласно французскому интуитивисту, интеллект и интуиция являются не просто разными способами *познания*, но разными формами *жизни*. Возникновение и развитие интеллекта обусловлено необходимостью воздействия на косную материю; он ориентирован на приспособление к миру. Интуиция позволяет человеку постичь подлинную сущность бытия [подробнее см.: Блауберг, 2001: с. 219–223; Блауберг, 2003]. «Для полноты совершенства человека было бы необходимо, чтобы обе эти формы сознательной активности [интуиция и интеллект. – Д. С.] достигли <...> полного развития» [Бергсон, 1999: с. 295.]. Любопытно, что в бергсоновском учении *человеку* фактически приписывается центральная роль, поскольку именно на него — носителя сознания и свободы — *возлагается ответственность за дальнейший ход эволюции* [Блауберг, 2008: с. 22].

Думается, переключка с предложенной русским философом концепцией ноосферы просматривается, пусть и на уровне своего рода эвристического «напряжения», «поискового резонанса»...¹

Вероятно, мысль Бергсона вызывала живой отклик русского учёного и мыслителя также и потому, что была созвучна его собственному внутреннему мировосприятию, важную роль в котором играла интуиция. Предложенный В.М. Розинным персоналистический подход [Розин] предполагает герменевтический учёт личностных качеств и опыта исследуемого автора.

У русского мыслителя и учёного мы встречаем богатейший мир интуиции и «переживающего мышления». «В Вернадовке, – вспоминает его дочь Н.В. Вернадская-Толль, – отец меня *учил слушать землю* – прикладывать ухо к земле и слушать приближение поезда, которое по воздуху ухо не ловило. Мы там ходили в леса и собирали грибы и *слушали лес*. И каждое мгновение он меня учил *смотреть* и *слушать*, и быть *частью поля, леса, Космоса*. Мы выходили после захода солнца, и он учил меня узнавать созвездия и *сознавать человека как часть мира*. Он так много знал и помнил о разных вещах!» [Вернадская-Толль, 2000: с. 156]. Мы видим: наш соотечественник обладал обострённым *чувством* и развитым *переживанием* живой природы – он сохранял и поддерживал свои ощущения, учил своих родных прислушиваться к миру, развивать свою чувственность.

Для Вернадского познание не сводилось к одному только дискурсивному мышлению, но обязательно включало в себя эмоцию, «прочувствование»; а само научное творчество и жизнь становились продолжением друг друга. Нашему соотечественнику было ведомо по опыту знание-переживание, или «живое знание». Он признавался, что идеи первоначально рождаются в нём в виде *мыслеобразов*: «*мысль образами и картинками*, целыми рассказами – обычная форма моих *молчаливых прогулок* или *сидений*» [Вернадский, 1997: с. 34]. Кроме того, решение научных проблем часто «само собою» рождалось во время прогулок, прослушивания классической музыки – особенно Моцарта, Баха, Бетховена – или созерцания шедевров живописи в музеях, а также – пения птиц. Во всех этих случаях деятельность мозга как бы «переключалась» в иной

¹ Подобный эвристический резонанс возникает при осмыслении смежного круга проблем у людей родственного умственного склада, находящихся друг с другом в понимающем творческом диалоге, прежде всего на уровне ментальностей, и имеет сугубо интуитивную природу. Подобный «понимающий резонанс» возник у Вернадского с крупным мыслителем, математиком и православным богословом П.А. Флоренским, а также с французским философом, представителем католического модернизма Э. Леруа. Когда в мае 1926 г. Вернадский опубликовал работу, в которой имелись намёки о ноосфере, Флоренский уже в сентябре 1929 г. написал ему письмо, в котором вкратце рассказал о своей интуиции пневмосферы, сферы духа, в чём-то перекликающейся с позднейшей концепцией ноосферы русского учёного. Параллельно во Франции аналогичные поиски вёл Леруа, который в 1927 г. и ввёл сам термин «ноосфера», в тридцатые годы заимствованный русским космистом. К слову, сам Леруа подчёркивал, что вдохновлялся творческой мыслью В.И. Вернадского. Стоит добавить, что сам Вернадский размышлял над термином, начиная с середины двадцатых годов (если не ранее) и примерно до середины тридцатых, впервые начал использовать находку Леруа в 1936 г. после заграничной поездки, когда познакомился с ним из книг французского философа. Мы видим: размышления всех троих здесь шли параллельно и определённым образом творчески взаимодействовали между собой. Подобный же творческий резонанс возникал у нашего соотечественника с французским учёным П. Кюри, но был более растянут во времени. «Кюри в теории симметрии чувствовал её философское значение, которое не высказал – не успел – в своих работах. И после него никто не охватил этот принцип в равной с ним мере» [Вернадский, 1999: с. 140]. К подобным выводам – во многом интуитивно – начал приходить два-три десятилетия спустя после смерти П. Кюри сам Вернадский.

«регистр» восприятия. И лишь потом уже возникшее живое «мыслеобразное» чувство кристаллизовалось в понятия и суждения. «Любопытно, что можно найти здесь, – записал он в дневнике, – и правильное мне указание в отношении научного мышления. *Во время этих мечтаний и фантазий я находил новое в научной области*» [Вернадский, 1997: с. 34]. По словам Вернадского, «мир **художественных** построений, несводимых в некоторых частях своих, например, в музыке или зодчестве <...> к словесным представлениям – *оказывает огромное влияние на научный анализ реальности*» [Вернадский, 2010: с. 599]. «Некоторые из основных моих идей <...>, – писал он в одном из писем, – стали мне ясными *во время слушания хорошей музыки*. Слушая её, я переживал глубокое изменение в моем понимании окружающего. <...> Хорошее пение птиц вызывает то же самое; это – *другой язык*» [Вернадский, 1989: с. 615]. Как нетрудно заметить, по Вернадскому художественное восприятие с его образным «чувственно-переживательным» личностным моментом серьезнейшим образом воздействует на научное творчество. Сущностно важным здесь оказывается взаимопереход и взаимообмен различных «регистров» творческого восприятия при вторичности отвлечённого рационально-логического дискурса.

Перед нами – чисто интуитивный путь освоения реальности.

По словам И.А. Герасимовой, творчество предполагает «развитие интуиции до уровня разумного начала, интеллекта до уровня духовно-чувствующего начала, преобразование физических чувств в тонко-возвышенные эмоции». Здесь подразумевается «*вторичность разума по отношению к первичному непосредственному переживанию* – в восприятии, осмыслении, интерпретации» [Герасимова, 2004: с. 183]. Думается, все эти слова справедливы и в отношении Вернадского. В самом деле, можно сделать вывод о том, что русскому учёному и мыслителю была знакома когнитивная реальность внутреннего опыта, интуиции, во многом определявшая характер его научного поиска. Но только в сочетании с проверкой на практике она становилась для него авторитетной по-настоящему.

Итак, мировосприятие Вернадского по большей части обусловлено его внутренним опытом. На научное творчество учёного существенное влияние оказывало художественное переживание, обыденное знание, интуиция и т. п.¹ В конечном итоге, для нашего соотечественника огромную роль сыграло *чувство живого*. (Вероятно, в том числе и по этой причине физическую картину Космоса, имеющую дело с «косной материей», Вернадский считал лишь *одним из способов описания реальности*, который сам по себе, вне связи с элементом живого, недостаточен.)

Этот внутренний уклад личности Вернадского во многом определял и его научный поиск. Стоит подчеркнуть, что русский учёный ни в коей мере не был иррационалистом. Ему был близок и опытно ведом *взаимообмен* рационального и иррационального, как для биосферы одной из важнейших её характеристик является живительный обмен энергий Земли и Солнца. Здесь действует принцип дополнительности.

Показательно его восприятие логики. Логика структурирует научную мысль (независимо – естественно-математические, биологические ли это дисциплины или гуманитарные), но её значение не стоит переоценивать. Именно

¹ Вопрос о месте интуитивно-иррациональных моментах в исследованиях и жизни Вернадского рассмотрен мною в статье: [Солодухин, 2013].

науку учёный позиционирует как наивысшую форму человеческого познания: по большому счёту, она тоже продукт эволюции. Признавая непреходящую ценность логико-рациональной составляющей познания (и бытия?), учёный расширяет понимание самой рациональности, включая в неё ряд интуитивно-иррациональных моментов. Намекая на ограниченность спекулятивной составляющей науки и личности, наш соотечественник, вероятно, ставил проблему задействования эвристического потенциала иных когнитивных ресурсов человека. По-видимому, для Вернадского дело идёт о трансформировании самой рациональности.

* * *

Таким образом, развитие ноосферы и продолжающаяся эволюция человека для Вернадского – корреляты. А разум и интуиция в равной мере являются функцией биосферы. Человеческий разум, в том числе его интуитивно-иррациональные аспекты, есть результат эволюции живого вещества, а также важный фактор становления ноосферы. Homo sapiens, вероятно, претерпит определённые изменения. Но это вовсе не означает, что современный человеческий вид должен быть «преодолён» или «отброшен» как нечто ложное, временное и ненужное, поскольку все его онтологически значимые характеристики – прежде всего, разум, интуиция, духовно-нравственные качества личности – получат своё дальнейшее развитие. В известном плане это и будет означать восхождение на новую онтологическую ступень.

В этом смысле Вернадского можно рассматривать как предтечу *эволюционной эпистемологии*, рассматривающей жизнь как процесс познания, а познавательный аппарат – как результат коэволюции природных и социокультурных факторов. (Правда, эволюционная эпистемология сделала акцент на биологизме и сегодня не в почёте.) Её главный тезис сводится к допущению, что люди, как и другие живые существа, являются продуктом живой природы, результатом эволюционных процессов, и в силу этого их когнитивные и ментальные способности и даже познание и знание (включая его наиболее утончённые аспекты) направляются в конечном итоге механизмами органической эволюции [Микешина, 2002: с. 39–40, 55–56, 169–176, 245]. При этом все когнитивные способности человека не просто обусловлены всем ходом эволюции, но релевантны в познании мира живой и неживой природы, в том числе тонких ментальных состояний. Здесь дискурсивные и интуитивные способности человеческого разума оказываются востребованными в равной мере. Существенно, что в отличие от многих других эпистемологических школ и направлений, эволюционная эпистемология исходит из предположения, что *биологическая эволюция человека не завершилась формированием Homo sapiens*. (В этом смысле формируемое системой ЕГЭ «тестовое мышление», существенно суживающее познавательные и особенно *творческие* способности массового человека, самим фактом своего возникновения разрушающее интеллект [см., напр.: Зверев, 2010], представляется не просто бесперспективным, но в эволюционном ракурсе вообще оказывается шагом назад.)

Следует отметить, что многое из постулируемого постнеклассической наукой, в той или иной форме встречается в сочинениях В.И. Вернадского. Так, акад. В.С. Стёпин оценивает его как *предтечу постнеклассической методологии*, именно в идее самоорганизации. В самом деле, ряд положений русского учёного оказываются созвучными универсальному эволюционизму современной науки, в частности, синергетической парадигме с её идеей коэволюции ор-

гайзмов и экосистем, приведшей впоследствии к социокультурной эволюции¹.

Когда говорят о понятии ноосферы у Вернадского, то нередко заведомо вносят искажения. Общим местом стало отождествлять ноосферу с техносферой (по факту – с исторически преходящей формой), в другом варианте – ноосфера отождествляется с культурой (опять-таки исторической формой). То, что учёный писал о возможности ноосферного этапа планеты, совсем по-другому прочитывается, если иметь в виду его личность. Ноосфера невозможна без развития внутренних потенций разума человека, включая сюда всё многообразие форм духовного освоения мира, в том числе духовно-нравственные аспекты. Без иррационального в человеке не развить планетарного сознания. При этом важна именно взаимная связь, взаимный обмен и взаимный переход рационального и иррационального, целостная взаимодополнительность обеих сторон человеческой личности. Пора осознать, что жить в гармонии с породившей её Жизнью способна лишь целостная личность, не только понимающая, но и чувствующая свою генетическую связь с Ней. Именно из этого чувства живого и возникает серьёзность и подлинная ответственность личности.

Литература

- Аксенов, 2010 – Аксенов Г.П. Вернадский ; [2-е изд.]. – М.: Молодая гвардия, 2010.
Бергсон, 1999 – Бергсон А. Творческая эволюция. – Мн.: Харвест, 1999.
Блауберг, 2001 – Блауберг И.И. Анри Бергсон // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
Блауберг, 2003 – Блауберг И.И. Анри Бергсон. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
Блауберг, 2008 – Блауберг И.И. Вокруг Бергсона, или Новый взгляд на русскую философскую сцену // *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. и предисл. И. Блауберг. – М.: Модест Колеров, 2008.
Вернадская-Толль, 2000 – Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету // В.И. Вернадский: pro et contra: Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998). Под ред. А.Л. Яншина; Сост. А.В. Лапо. – СПб.: РХГИ, 2000.
Вернадский, 1989 – Вернадский В.И. Из письма к Т.Н. Толль. 30 декабря 1943 г. // *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. – М.: Советская Россия, 1989.
Вернадский, 1997 – Вернадский В.И. Дневники 1917–1921 гг. Кн. 2. (Янв. 1920 – март 1921 г.). – К.: Наукова думка, 1997.
Вернадский, 1999 – Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 – август 1925. – М.: Наука, 1999.
Вернадский, 2010 – Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // *Избранные труды.* / Сост., авт. вступит. ст. и комм. Г.П. Аксёнов. – М.: РОССПЭН, 2010.
Герасимова, 2004 – Герасимова И.А. Диалог культур и когнитивная эволюция // Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология) / Отв. ред. И.П. Меркулов. – М.: Канон +, 2004.
Зверев, 2010 – Зверев А. Тестовое мышление губит интеллект // *Официальный блог «Учительской газеты».* 13.05.2010. Электронный ресурс: <http://uchitelgazeta.livejournal.com/11426.html> pdf (Дата обращения: 21.06.2014 г.).
Микешина, 2002 – Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
Розин – Розин В.М. Культурологические исследования. Проблемы культурологии. Античная культура. Электронный ресурс:

¹ Это тщательно рассмотрено в книге Стёпина [см.: *Стёпин*, 2003: Гл. VII]. Думается, всё сказанное там вполне справедливо.

<http://www.park.futurerussia.ru/upload/iblock/c97/trvlg%20%20vfg%20.pdf> (Дата обращения: 27.06.2014 г.).

- Семенова, 1988* – *Семенова С.Г.* Семья идей // Знамя. – 1988. – № 3.
Симаков, 2003 – *Симаков К.В.* Концепция реального времени-длени В.И. Вернадского // Вопросы философии. – 2003. – № 4.
Солодухин, 2013 – *Солодухин Д.В.* Наука как жизнотворчество. Заметки на полях интеллектуальной биографии В.И. Вернадского // Человек. – 2013. – № 6. – С. 139–146.
Стёпин, 2003 – *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

References

- Aksenov G.P.* Vernadsky / Second ed. – Moscow, 2010.
Bergson H. Tvorčeskaâ evolúciâ [The Creative Evolution]. – Minsk, 1999.
Blauberg I.I. Henri Bergson // Put' v filosofiû. Antologîâ [Way to philosophy. Anthology]. – Moscow, 2001.
Blauberg I.I. Henri Bergson. – Moscow, 2003.
Blauberg I.I. Vokrug Bergsona, ili Novyj vzglâd na russkuû filosofskuû scenu [Round Bergson, or the New view on the Russian philosophical scene] // *Nethercott F.* Filosofskaâ vstreča: Bergson v Rossii (1907–1917) [Une rencontre philosophique. Bergson en Russie (1907–1917)] / Trans. from fr. – Moscow, 2008.
Vernadskaa-Toll' N.V. Štrihi k portretu [Strokes to a portrait] // V.I. Vernadskij: pro et contra: Antologîâ literatury o V.I. Vernadskom za sto let (1898–1998) [V.I. Vernadsky: pro et contra: The anthology of literature on V.I. Vernadsky in hundred years (1898–1998)]. – Saint Petersburg, 2000.
Vernadsky V.I. Iz pis'ma k T.N. Toll'. 30 dekabrà 1943 g. [From the letter to T.N. Toll. December 30, 1943] // *Vernadsky V.I.* Načalo i večnost' žizni [Beginning and eternity of life]. – Moscow, 1989.
Vernadsky V.I. Dnevnikî 1917–1921 gg. Kn. 2. (Ânv. 1920 – mart 1921 g.) [Diaries of 1917–1921. Book 2. (January, 1920 – March, 1921)]. – Kiev, 1997.
Vernadsky V.I. Dnevnikî: Mart 1921 – avgust 1925 [Diaries: March 1921 – August 1925]. – Moscow, 1999.
Vernadsky V.I. Naučnaâ mysl' kak planetnoe âvlenie [Scientific thought as planetary phenomenon] // *Izbrannye trudy* [Selected Works] / G.P. Aksënov (compos.). – Moscow, 2010.
Gerasimova I.A. Dialog kul'tur i kognitivnaâ evolúciâ [Dialogue of cultures and cognitive evolution] // *Myšlenie. Soznanie. (Kognitivnyj podhod i èpistemologîâ)* [Thinking. Consciousness. (Cognitive approach and Epistemology)] / I.P. Merkulov (ed.). – Moscow, 2004.
Zverev A. Testovoe myšlenie gubit intellekt [The test thinking ruins intelligence] // Oficial'nyj blog «Učitel'skoj gazety». 13.05.2010. // <http://uchitel-gazeta.livejournal.com/11426.html> pdf.
Mikešina L.A. Filosofiâ poznaniâ. Polemičeskie glavy [Knowledge philosophy. Polemic heads]. – Moscow, 2002.
Rozin V.M. Kul'turologičeskie issledovaniâ. Problemy kul'turologii. Antičnaâ kul'tura [Cultural researches. Cultural science problems. Ancient art] // <http://www.park.futurerussia.ru/upload/iblock/c97/trvlg%20%20vfg%20.pdf>.
Semenova S.G. Sem'â idej [Family of ideas] // *Znamâ*. – 1988. – № 3.
Simakov K.V. Koncepciâ real'nogo vremeni-dleniâ V.I. Vernadskogo [V.I. Vernadsky's concept of real time-durée] // *Voprosy filosofii*. – 2003. – № 4.
Solodukhin D.V. Nauka kak žiznetvorčestvo. Zametki na polâh intelektual'noj biografii V.I. Vernadskogo [Science as life creativity. Marginal notes of the intellectual biography of V.I. Vernadsky] // *Čelovek*. – 2013. – № 6. – С. 139–146.
Stëpin V.S. Teoretičeskoe znanie [Theoretical knowledge]. – Moscow, 2003.

